

Детская история

*«Жили мы так бедно, что если бы не пиписка,
играть было бы совершенно нечем»
Михаил Жванецкий*

Бедность в моем детстве была беспросветная. Но игрушки все-таки были. Одна из них мне запомнилась навсегда. Это была деревянная пожарная машина, окрашенная в морковный цвет, с прибитой намертво лестницей. У машины все время отваливалось одно колесо и я, совершенно безнадежно, приклеивал его пластилином. Прибить колесо было некому, так как отца у меня никогда не было. Не было и все. В свидетельстве о рождении стоял прочерк, а в анкетах я всегда писал, что сведений об отце не имею. На мои вопросы об отце мама всегда отвечала одно: «Я тебе и мать, и отец». И периодически подтверждала свои слова ремнем из грубой кожи. Мама вообще была человеком необычайно сильным и волевым, только это позволило ей самой выжить и вырастить, воспитать и выучить такого болтуса, как я.

В своей жизни ей выпало испытать все самое страшное, что пережил наш великий и многострадальный народ за все время постреволюционной истории. В 38 году ночью люди в погонах почти сразу после свадьбы навсегда забрали у нее мужа — молодого инженера. И она в одно мгновение из первой красавицы маленького городка в Ивановской области и счастливой молодоженки превратилась в жену врага народа. В голодные военные годы умерла дочь — моя старшая сестра. Жизнь была и ломала нещадно. До моего рождения еще были долгие и долгие годы, но ненавидеть сталинский режим повод в нашей семье уже был. Через много-много лет мама говорила мне очень тихо: «Коммунисты — они хуже фашистов. Фашисты уничтожали чужих, а коммунисты — своих». При этом всегда добавляла: «Только ты никогда никому это не говори — они все слышат, у них везде есть уши...»

В послевоенные годы вождь всех народов решил устроить очередное переселение. Несколько сотен незамужних ткачих из Ивановской области в один день собрали, затолкали в вагоны и увезли на новое место жительства. Провожали всем городком, с бабьим ревом и причитаниями. Все были убеждены, что впереди Сибирь, но привезли их в Западную Украину, в очень красивый и теплый город — Черновцы. Город был построен еще во времена Австро-Венгерской империи, и здесь до войны жила и процветала румынская знать. Вождь, присоединив румынскую Буковину к Украине, затеял создать там новое ткацкое производство. В город из Германии завезли трофейное оборудование и ткачих из далекой Ивановской области. На фоне голодной послевоенной России Западная Украина в то время была просто раем земным. И еды навалом, и цены много ниже. Обжилась одинокая женщина потихоньку, попривыкла к этим краям. Вот там, в Черновцах, после бурного недолгого романа моей все еще красавицы-мамы и польского командировочного инженера и появился на свет я. Поляк к этому времени исчез навсегда, и я так никогда его и не увидел. Мама родила, как в таких случаях говорится, «для себя». Это было решение-подвиг. Без постоянного жилья, в чужом городе, без бабушек и дедушек. Когда я иногда об этом думаю, у меня мурашки по коже бегут. Ведь вздрогнула бы тогда, испугалась будущих трудностей, и меня просто не было бы никогда. Мама очень мечтала о дочке и еще долго называла меня Ирккой. Но мужское начало взяло свое, и любимой игрушкой стала пожарная машина. Детство и юношество были очень бедными, на грани нищеты. Сырая холодная комната в коммуналке с печным отоплением, железная кровать с панцирной сеткой и ножная швейная машинка, на которой мама вечерами после работы «шила на людей», пытаюсь хоть как-то залатать постоянные дыры в скудном семейном бюджете.

Страна в это время жила уже неплохо. Мои сверстники щеголяли в болоньевых плащах или куртках, имели транзисторные радиоприемники, велосипеды и

фотоаппараты. Комплекс неполноценности у меня, конечно, был. Очень хотелось стать богатым — надеть «моднячую» куртку, гордо вынести во двор свою «Спидолу». А главное — очень мечталось о хорошей квартире, и обязательно с ванной. Общественная баня, куда меня по субботам водила мама, была убогой, грязной, с неистребимым запахом сырости и плохого мыла. Вершиной же «гастрономического счастья» я в то время считал белую булку с докторской колбасой. И сегодня иногда я, наплевав на все диеты, покупаю батон и кусок вареной колбасы, и вкуснее, право же, нет ничего на свете. Да, и при просмотре каталогов известных автомобильных марок для очередной замены автомобиля, я всегда вспоминаю ту самую деревянную пожарную машину морковного цвета с оторванным колесом...

Драться я не любил, но и в обиду себя не давал. Если что, мог и по зубам въехать крепко. То, что у ребенка не было отца, в то время считалось зазорным. Мир детей жестокий и на обидные слова быстрый, и мне часто приходилось на школьных переменах разбираться с обидчиками кулаками. Синяки проходили — характер формировался. Черновцы на четверть был городом еврейским. Вопреки воле вождя народов, который спал и видел еврейскую республику где-то в Биробиджане, евреи каким-то чудом просачивались в более благодатные по климату Одессу и Черновцы. И воля вождя им была, как сейчас говорят, по барабану. Так как меня, кроме ремня, воспитывала еще и улица, то я и впитывал то еврейское отношение к жизни, где воровать и тупо драться считалось глупым и зазорным, а вот «спекулировать», «фарцануть» — очень даже правильным. Так, похоже, и формировался будущий предприниматель — деловой, но осторожный. «Подальше от власти, поближе к деньгам» — кредо, которое я пронес через всю жизнь. Детство и юношество закончилось вместе со школьным аттестатом, и я, по настоянию мамы, поехал поступать в энергетический институт города Иваново. К родственникам поближе, да и жизнь подешевле, чем в столицах. Мама очень мечтала, чтобы я стал инженером, видимо двух предыдущих мужчин-

инженеров в ее жизни не хватило.

Студенчество было шальным и пьяным, но это совсем другая история...